

18+

Влад Костромин

**Три билета на кино про
это...**

Влад Костромин

Три билета на кино про это

«Издательские решения»

Костромин В.

Три билета на кино про это / В. Костромин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689556-0

В данный сборник включены три главы из романа-антиутопии «Либерман-яйцеубийца», повествующие о ключевых событиях в жизни главного героя романа — беспринципного вора, мошенника и убийцы, Виктора, рассказанные им своей семье во время вынужденной поездки по местам молодости Виктора.

ISBN 978-5-00-689556-0

© Костромин В.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Три билета на кино про это

Влад Костромин

© Влад Костромин, 2026

ISBN 978-5-0068-9556-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Три билета на кино про это

В данный сборник включены три главы из романа-антиутопии «Либерман-яйцеубийца», повествующие о ключевых событиях в жизни главного героя романа – беспринципного вора, мошенника и убийцы Виктора, рассказанные им своей семье во время вынужденной поездки по местам молодости Виктора.

15. «Кто в ночи на бой спешит, побеждая Зло?»

Несмотря на два высших образования и серьезную должность папаша наш был сильно не в себе (это я даже не считаю помешательства на Рокфеллере): то объявлял себя «секретным космонавтом», то хвалился непонятной медалью, якобы полученной за победу в международной куроводческой выставке, проводившейся в Париже; то затевал лечение мочой и питьем выдержанного на солнце раствора глины. А тут, как снег на голову, свалился ему на голову шедший по воскресениям американский мультсериал «Черный плащ», поразивший отцовский измученный мозг.

– Видели, да? – тыкал заскорузлым коренастым пальцем в сторону телеэкрана отец. – Ишь ты, чего выкаблучивают, уткобобики! Фантастика просто. Вы только посмотрите на них!

– Срамота, – плюнула в экран мать и ушла пить заряженную Кашпировским воду.

– Нет, вы только взгляните, – не унимался отец, – как они с преступностью борются. Я же так же могу! – дико блеснул он глазами. – Я же вылитый борец с преступностью, мне только черного плаща не хватает.

– И шляпы? – подал голос Виталик.

– Молодец, сечешь, – папаша поощрил его легким подзатыльником. – И шляпы. Хотя, шляпа у меня имеется, а с плащом... есть, короче, идея одна. Как всегда – конгениальная, дети мои.

«Черный плащ» пришелся родителю по душе и даже вышиб из мозга долго вынашиваемую папашей идею организовать в деревне еженедельный журнал о разведении домашней птицы «Бравый куровод» с газетой – приложением «Новый птицевод». Один из украденных на складе на волне Чернобыльской паники плащей ОЗК папаша собственноручно выкрасил в черный цвет. Гудроном, украденным на стройке... Плащ он еще изнутри оклеил алюминиевой фольгой – дабы экранировать излучение мутантов и радиацию (после Чернобыля радиации многие боялись).

– Как? Внушает? – задрал руки, покрутился в прихожей перед большим зеркалом, висевшим на двери в кладовку. – Как Пушкин лондонский одет? Рождает в сердце страх и трепет?

– Инвалид мысли, импотент горбачевский!

– Я мифический, я исторический, я футуристический!

– Зачем ты на себя этот убогий плащ нацепил? – Вытаращилась мать.

– Я, как говорили древние римляне, лицо общественное, *persona publica*.

– Не персона публика ты, а дырка от бублика. Но плащ тебе зачем, чудо в перьях?

- Для таинственности и загадочности.
- Ух ты! Придурок из цирка-шапито! Ты бы еще Тришкин кафтан напялил, чудо света! Эпатажнее было бы. Господи, ты явно окончательно рехнулся. Плавно перешел в следующую стадию безумия! Такое может прийти в голову только законченному психопату! Какой пример ты подаешь детям?
- Отличный пример для подражания.
- Боже. Я этого не вынесу! Ты прямо как грудная жаба! Папуас с гульфиком!
- Пропущу этот выпад между ушей.
- Все это напоминает балаган! Клоун в драном плаще!
- Плащ, соглашусь, чуть поношен, остатки былой роскоши императорского дворца, зато дает нужный эффект, вгоняя преступников в ступор и сея ужас и страх.
- Конец лживому буржуазному мифу о милых клоунах. А ты – псих, – в сердцах сплюнула мать.
- Я великий, славный, возбуждающий всеобщее восхищение! Я Черный плащ! Я сам и есть Закон! Перефразируя Салтыкова-Щедрина, скажу: дайте мне черный плащ, я и при нем прокормлюсь.
- Ты лысый плащ, образина! Чтоб тебя холера взяла! Будешь городить чепуху – язык рано или поздно, от отнимется! Мозгов у тебя и правда, как у селезня! Жуткое впечатление! Особенно, если смотреть вблизи, как говорит Колька, невооруженным взглядом.
- Про Кольку мысль хорошая. – Папаша почесал затылок, имитируя мыслительную деятельность. – Непременно возьму на заметку. А так? – вынул из брючного кармана мятое черное воронье перо, засунул за ленту коричневой шляпы, висевшей на лосиных рогах в простенке, торжественно напялил ее на голову. – Я элегантен? Я неотразим?
- Вылитый Квазимода, прости Господи! – схватила рукой за сердце мать. – Готовый пациент для дурки. У тебя помутнение рассудка! Шарнир тебе в глотку! Рога эти лосиные на шляпу не желаешь приделать? Любой бандит тогда от страха сразу обделается.
- Ничо, ничо, – пыхтел родитель, крутясь перед зеркалом, будто собирающаяся на бал мачеха Золушки. – Мировой заговор не застанет меня врасплох. Я отрублю зловещие щупальца мафиозного спрута.
- Тебе, придурку, маски не хватает, – вздохнула мать. – Иначе всякий будет узнавать, а потом пальцем показывать.
- Здравая идея, – папаша снял шляпу, ловко метнул ее на рог и поскреб затылок. – Мне нужна маска для полного инкогнито, как у ревизора из Петербурга.
- Володя, какая с тебя таинственность? Ты кроме как молотый перец в столовой воровать, ничего больше толком не умеешь.
- Это ты так думаешь, а между тем, я до двадцати лет не имел представления о своем существовании.
- Блаженный, прости Господи!
- Так что маска могла бы все поправить. Но где ее взять? Катя, у нас есть маска?
- Есть, – начала мелко хихикать в кулак мать, – те, что ты в прошлом году в Москве в «Детском мире» спер.
- Что за маски? – нахмурил брови.
- Зайца и волка, ха-ха-ха, – в голос захохотала мать.
- Если покрасить черным... – задумался он, собрав напоминающими лунные кратеры морщинами лоб. – Прекрати ржать как лошадь Пржевальского, ты меня сбиваешь с мысли.
- Ха-ха-ха, откуда у тебя мысли? Ха-ха-ха.
- Вот же дура, – расстроился папаша. – Никакой серьезности. Тащи маски, чучундра пятнистая.

Заливающаяся хохотом мать принесла из стенки маски, папаша примерил их, скептически рассматривая себя в зеркале.

– Волк вроде неплох, – вынес родитель вердикт, – но не дожидает. И по стилю к плащу и шляпе не подходит, балаган какой-то с «Ну, погоди!» получается.

– Я злой и страшный серый волк, ха-ха-ха. Я в поросятах знаю толк, ха-ха-ха.

– Ты все представляешь в черном цвете, как Джон Ланкастер.

– Сеструхе бы твоей, Нирке, кошатнице вашей, понравилось бы – она такая же малахольная. Вот же семейка! Угораздило же меня с вами связаться по дурусти. Утятницу еще на голову одень – вместо каски, ха-ха-ха!

Кошатницей тетю Ниру в нашей семье прозвали из-за ее подпольного промысла: она ловила кошек, душила; кошек они с дочкой поедали, а шкурки сдавали шить шапки.

– Тебя бы черт встретил вечером на хуторе близ Диканьки, так и сам бы черт от страху обосрался!

– Да, я такой! Это мой дар!

– Ты же страшнее Гуэмплен! Квазимодо красавец, по сравнению с тобой!

– Ну не скажи.

– Раньше белую горячку лечили, а теперь распустили вас.

– Екатерина, я не обращаю внимания на твои глупости, – гордо задрал нос папаша, – ибо привык, что современники нас, величайших гениев, не ценят. А ведь я невероятно эрудирован.

– Тоже мне, выискался гений. Тебя оценят – место в соседней с Наполеоном палате выделят, ха-ха-ха. И вообще, ты можешь и без маски, у тебя рожа страшнее любой маски, ха-ха-ха. Тебе только фригийского колпака не хватает, ха-ха-ха!

– А между тем, я скромный гений. Для будничной жизни серого ничтожества, банального мешанина – пугливого, будто робкий обывателя, я совершенно не приспособлен! Я жил простой негероической жизнью, но дальше так жить уже нельзя! Я Черная звезда, падающая к ногам Вечности!

– Вот тебе бабушка и Рабиндранат Тагор! – хлопнула в ладоши мать. – Совсем умом потек.

– Жаль, у нас нет кинокамеры чтобы запечатлеть столь грандиозное событие мирового масштаба.

– В дурке запечатлят. В истории болезни.

– Молчи, женщина, ты пока не в состоянии оценить роль моей личности в мировой истории!

– Какой, к черту, истории?

– Истории мировой криминалистики!

– Ты бредишь!

– Не буду играть в ложную скромность, скажу прямо. Я не вижу в современном мире ни одного сыщика, равного мне по гениальности, прозорливости и масштабу! Ни одного человека и рядом со мной, уткой правосудия, нельзя поставить.

Папаша открыл дверь и окунулся в кладовку, копаясь в завалах разного хлама, натащенного им отовсюду.

– Вот решение, – вынырнул из кладовки и потряс сумкой защитного цвета.

– Что это? – насторожилась мать.

– А вот, – достал из сумки противогаз, – если шланг отрезать и в черный цвет покрасить, то будет самое то.

– Точно в дурку упекут! – перекрестилась мать. – Передачек от меня не жди. Тебя действительно надо было кастрировать, как врачи предлагали.

– Казалось бы, имею должность, и есть, что есть, и есть, что пить, – загундосил он, – но ловлю преступников в деревне, чтоб тунеядцем не прослыть.

- Зато психом уже прослыл! А пожрать тебе я готовлю.
  - Готовишь ты, – усмехнулся, – даже гипердраники пожарить не можешь.
  - Блин слоеный! Прости, Господи! Ты любого до крепкого словца доведешь! Твой махровый эгоизм погубит всю деревню.
  - Лучше быть махровым эгоистом, – парировал папаша, – чем оппортунистом.
  - Лучше бы ты, как все нормальные алкоголики, чертей или инопланетян ловил, – досадливо сказала мать.
  - Я аномальный, ха-ха-ха.
- Мать разразилась проклятиями. Но отец не обращал внимания, и по вечерам, надевая плащ и шляпу, начал тренироваться в «беге ЧП»: с мелким сучением ногами.

И полбеды было бы, если бы он только сам взбесился, так нет же, втянул и соседа нашего, живущего через дорогу – безотказного водителя Кольку Лобана, того, у которого капусту украли, в свои дикие игры. Внешне Колька здоровенным лбом с падающим на него светлым вихром волос и огромной квадратной челюстью действительно очень напоминал Зигзага Макряка. Такой же вихрастый, простодушный и отзывчивый.

– Я буду Черным плащом, а ты будешь Зигзагом! – внушал папаша бедному Лобану, застав его в свой гараж и расхаживая перед дверью, чтобы сосед не убежал.

– Владимирыч, может не надо? – уныло сопротивлялся Лобан, с тоской глядя на белый день, маячивший в проеме двери за спиной директора.

– Надо, Федя, надо! Слово начальника – закон для подчиненного! Ты пойми, ты мне нужен, садовая голова.

– Зачем?

– Порой и ненабитый глаз замечает полезное. А у тебя глаз не набит. Твоя непобедимая беззаботность и инфантильная непосредственность может быть моим умелым руководством обращена впрок, повернута на пользу общества и всего прогрессивного человечества. Будешь Зигзагом, ты похож – такой же раздолбай и вихор такой же на голове.

– Владимирыч, что ты как ржавый фрикцион заел: Зигзаг да Зигзаг, – обиделся Колька.

– Твою дивизию, называй меня Черный Плащ! – заорал отец, вздыбленно застыв напротив соседа. – Или сокращенно: Чэ-Пэ. Я тебя из Хлябей вытащил, человеком сделал, а тебе трудно такую малость для меня сделать, – успокоившись, вновь засеменил туда-сюда, как вечный маятник.

– А чем в Хлябях было плохо? – попробовал робко сопротивляться Лобан. – Бытовые условия были устроены: трасса рядом, квартира с балконом, хоккейная «коробка» во дворе, стол для домино, больница опять же есть. У тещи в столовке можно было подкормиться – все ж экономия была.

– Бытовые условия ведут к разврату и бытовому разложению! А вот будничное бытовое убожество – совершенно напротив! Оно рождает мечты и трепет о светлом будущем, ожидающем нас! Трасса, больница с балконом, – передразнил папаша, продолжая безумный менюэт. – Да, согласен, тут не столица и не центр мировой культуры, не Лондон и не Париж, но, согласись, и не лесосека какая-нибудь, а вполне приличная деревенька, которая моими стараниями вскоре станет совхозом-миллионером. Сюда еще опыт перенимать со всей страны будут приезжать. Понял? А ты заладил, балкон, балкон. Ты как мещанин во дворянстве. Тебе не стыдно?

– Ну, стыдно, – смутился Лобан. – Но как-то Зигзагом быть странно.

– Привыкай. Я за это тебе премию выпишу. Почетную грамоту торжественно вручу и вывешу твою лучшую фотокарточку на Доску почета.

– Правда?

– Конечно, я тебя когда-нибудь обманывал?

Сосед замялся с ответом – папаша был беззастенчивым брехлом и пустобрехом, не мог упустить случая обмануть первого встречного пуская даже в самой безделице, например соврав который час или в указании направления движения. Родитель от этого просто тащился, по другому не скажешь. Но врожденный такт и генетическое чувство вины перед любым начальством помешали Лобану озвучить свое мнение.

– Вот видишь? Значит, не обманывал. Не будь невежественным разгильдяем, а слушай меня. Бензин ваш, иудеи – наши. Ты мужик толковый, ловкий, изворотливый даже. Именно такой мне и нужен; именно и только на такого я смогу положиться в нелегком и неблагодарном деле защиты правопорядка в данной пластилиновой местности.

Сосед польщенно молчал.

– Давай обмоем твою партийную кличку, – папаша достал из верстака бутылку, заткнутую пробкой, свернутой из газеты «Правда». – За победу над Злом и мировым империализмом не грех и выпить. А ты что тут трешься? – разлив по складным стаканам, всегда возимым в бардачке, заметил меня родитель.

– Хотел электролита взять, – признался я. – Для опытов.

– Хрен тебе, а не электролит! – показал внушительный кукиш. – Он денег стоит. Ишь ты чего выдумал – опыты, Менделеев малолетний. Сходи лучше, сальца стащи нам с Зигзагом шматочек из кубла.

– Может, я принесу? – сделал попытку ускользнуть Зигзаг. – У меня сало хорошее, с прослойкой.

– Сиди, Зигзаг, не дергайся. Гусена сходит и сопрет, пока Катька свою «Санта-Барбару» смотрит. И тащи не жадничай, тащи кусок поувесистее, для хороших же людей надо, для борцов с преступностью, безродными космополитами, наперсточниками, разбойниками с большой дороги, гешефтмахерами, приспешниками и стилиягами, ку-клукс-клановцами, наводнениями, пожарами, мором, голодом, чумой и прочими стихийными бедствиями и катастрофами!

– Стиляг мы били, – обрадовался Лобан, – когда я в армии служил. И про безродных космополитов замполит нам рассказывал.

– Вот видишь, – покровительственно похлопал его по плечу папаша, – дело тебе уже знакомое, освоенное, не дашь промашку, не ударишь в грязь лицом как абы кто бы, будешь вести себя как полагается крепкому профессионалу.

– А кто такие эти клановцы?

– Это те, кто одевает белые балахоны с прорезями для глаз и бьет и вешает негров.

– А разве мы сами не будем бить негров? – удивился сосед.

– А тут есть негры?

– Нет... но если нет негров, то и клановцев нет?

– Есть, нет – не важно. Мы вырабатываем стратегическую доктрину сдерживания на будущее.

– Понятно...

– Мы будем патрулировать деревню ночами, будем устраивать засады в ключевых точках местности и организовывать передвижные мобильные засады. Мы искореним всю здешнюю чертовщину на корню! У нас ни одна кошка с двумя хвостами не прошмыгнет, ни один крот – вампир не подкопается! Всех загоним в стойло! Всем дадим по рогам! Да и до самих ведьм доберемся, устроим им тут новый Салем! – неистовствовал папаша. – Ну, за победу!

Они выпили.

– Не переживай, Зигзаг. Мы будем бороться с преступностью, но при этом будем осторожными и мудрыми как змеи.

– Ладно.

– Мы с тобой останемся в народной памяти как бендикс и обгонная муфта, как Джек и чан, как Чарли и Чаплин, как двадцать восемь панфиловцев, как триста спартанцев, как красный командир Чапаев и его верный помощник и соратник Петька.

– Как Василий Иванович и Петька?

– Да, Фурманов бы обомлел от восторга, увидев наш спевшийся дуэт. Эх, – махнул рукой, – да что там теперь говорить!

– Про нас даже анекдоты будут рассказывать? – смутился Лобан.

– И анекдоты будут, и пьесы будут, и даже художественный фильм снимут, в четырех сериях. Непременно в четырех. Представь, какие перспективы: молоко льется рекой, поля цветут, комбайны носятся, и корреспонденты роятся, как мухи над коровьим навозом. Даже иностранные придут взять у нас интервью. Лепота!

– Ты еще здесь? – повернулся папаша ко мне. – Хлеба отрежь тоже, – донеслось в спину указание. – А то пошлешь этого дурака за салом, так он одно сало и принесет, – пояснил он собутыльнику.

– Може я принесу, Владимирыч?

– Да, сало у тебя знатное. – Причмокнул губами папаша, любивший напроситься на обед или особенно ужин к своим подчиненным и часто только по чужим дворам и питавшийся. За исключением завтрака, который, как он говорил: «съешь сам». – Ничего, он принесет. Кто хочет, тот добьется; кто ищет, тот всегда найдет!

Я принес сало и хлеб, они допили бутылку.

– Ладно, Владимирыч, я согласен, – Лобан морально сломался, согласившись потворствовать опасным причудам папаша.

– Владимирыч? – вкрадчиво, как гремучая змея у брата Кролика, переспросил папаша. – Да?

– Чэ-Пэ, – покорно вздохнув, поправился Зигзаг и помотал головой.

– Запомни, Черный плащ – это мое второе имя.

– Надо же, мы так давно знакомы, – удивился Лобан, – а я то только сейчас узнал, что у тебя есть второе имя.

– Ну так, – пробурчал папаша. – Масштабы моей личности просто огромны! Огромны просто!

– Как у Ленина?

– Бери выше! На одной стороне доски Маркс, Энгельс и Ленин, а на другой – я! И мы, все вчетвером держим доску в равновесии! Врубился?

– Да, врубился... – Лобан почесал затылок. – А что за доска такая?

– Да забей ты! – Отмахнулся папаша. – Мировая шахматная доска!

– Ну, это... значит... ясно...

– А чего тут может быть неясного?

– Может и правильное дело ты придумал. Поймаем тех, кто заборы и антенны ворует.

– Точно поймаем, если не мы, то кто же?

– А то совсем обнаглели. У Сереги столб антенный сперли прямо тогда, когда он телевизор смотрел.

– Вот же наглецы, – с трудом сдерживая смех, из-за чего лицо исказилось самым невыносимым образом, как у готовящегося извергнуться вулкана Везувия, поддакнул папаша. – Хотя, Серега твой сам виноват. Бдительным надо быть, а то только жену ревнует, как гусь лапчатый.

– Чэ-Пэ, у тебя уже есть версия?

– Какая версия? – не понял папаша.

– Кто заборы ворует, – поводит руками Лобан, – версия у тебя есть?

– Мотив плюс дедукция всегда выявляют истину. Версия есть, но я ее пока придержу. В интересах следствия. Зачем натягивать раньше времени тень на плетень? Криминалистика – точная наука.

Сосед понимающе кивнул.

– Это рэкетеры?

– Нет, но ты сам подумай, зачем кому-то столько заборов?.. Кражи заборов в деревне достигли беспрецедентного масштаба, – официальным тоном заявил папаша. – Это факт.

– Тут раньше заборы не воровали, – согласился Лобан. – Они кому вообще могут быть нужны? На свой не приколотить, сразу будет видно. Не на дрова же? – смущенно улыбнулся он, случайно опасно близко подойдя к разгадке заборной тайны.

Я с интересом посмотрел на родителя: как он будет выкручиваться? Но папаша был стреляный воробей и опытный демагог.

– Нет, копай глубже.

– Ты думаешь... это психи?..

– Явно не образцы психического здоровья. – Одобрил родитель.

– И зачем им столько заборов?

– Обрати внимание, берут только деревянные части, асбесто-цементные столбы не берут. Значит, не на заборы воруют. Это тебе не фунт прованского масла.

– А ведь и правда! Вот история.

– Если бы они строили вавилонскую башню до неба, то что?

– Она бы была видна, – сообразил сосед. – А ее не видно. И что это значит?

– А то, что они гробы делают! – папаша сделал страшные глаза.

– Для кого?

– А вот это и предстоит определить следствию: для кого мутанты делают гробы в таких объемах.

– Они даже антенны воруют, – Лобан почесал затылок.

– С антеннами проще всего. Они их переделывают и ловят сигналы с Юпитера.

– Откуда? – не понял сосед. – С мотоцикла?

– Нет, Юпитер – такая планета. Ему позволено то, что не позволено быку.

– Большой авторитет, значит, – уважительно сказал Лобан. – Если быкам рога обламывает.

– Еще какой, – папаша не стал вдаваться в детали строения Солнечной системы. Оно и понятно: на повестке вечера были вопросы понасушнее занимательной астрономии. Впрочем, знают даже дети, кто опасней всех на свете.

– Кто, Чэ-Пэ? – Пьяно покачнулся Зигзаг.

– Об чем я тут тебе битый час толкую?! Мутанты, разумеется!

– А-а-а...

– Змей же, который Адама с Евой совратил, тоже того был, – папаша хитро подмигнул соседу.

– В смысле того? Что того?

– Мутантом он был!

– С чего ты взял, Чэ-Пэ?

– А ты что, видел говорящих змей?

– Ну... нет...

– Ходящих на двух ногах?

– Нет...

– Подающих женщине яблоко рукой?

– Тем более. Нет.

– Вот видишь. Мутант он и есть мутант. И не спорь со специалистом. Дороже обойдется.

– Я же и не спору.

– Мутанты губительны для народного хозяйства страны и нравственности общества!

Огневушку – поскакушку помнишь?

– Ну... это... в диафильме?..

– Тоже мутантка была!

– Да ты что?!

– Еще какая! Серебряное копытце – тоже из их шайки – лейки, гоп – компании. Про мутантов еще сам Эмпедокл в пятом веке до нашей эры писал! Короче, если хорошо поскрести, то можно содрать эту коросту и вскрыть их подлинные мерзкие лики! Ладно, расходимся по домам, а завтра начнем. Только сам понимаешь, этот разговор должен остаться между нами. Дело такое, не кур крадем, а со Злом боремся – надо в тайне держать, а то, не ровен час... – папаша воздел руку кверху, тыча пальцем в потолок.

– Понимаю, – кивнул Лобан. – Я – как могила. И кротов – вампиров тоже прижать надо! – разошелся расхрабренный Лобан.

– Прижмем, будь спокоен, – легко заверил его папаша, – и до енотов – трупоедов с кошками – вурдалаками тоже доберемся, уважать себя заставим. Дела пойдут.

– Правильно!

– И вот это, – родитель достал из кармана длинный мятый шелковый шарф, условно белый, – тебе.

– Зачем, Чэ-Пэ?

– Затем, что ты моя правая рука, верный соратник, а шляешься как охламон. Тебе, как Зигзагу, положена кожаная куртка и белый шарф. Форма такая. Бери шарф, Зигзаг!

– Как у Бендера. – Зигзаг рассматривал неожиданный для прижимистого отца подарок.

– Почти. Он заговоренный от вампиров.

– Ого!

– Не отвлекайся.

– А где я возьму куртку?

А мне было интересно другое: где же родитель спер шарф. Обычно он бахвалился своими кражами, сочинял целые драматические истории про свою дерзость и находчивость, рассказывал их нам по вечерам в лицах. А тут целый шарф я увидел впервые.

– Не волнуйся, я все продумал, – папаша подошел к УАЗ-ику, открыл заднюю дверцу и торжественно вытащил светло-коричневую кожаную куртку, которую я тоже видел впервые. – Это тебе, Зигзаг.

– Мне? – растроганный Колька даже всхлипнул. – Спасибо, Чэ-Пэ! – он вскочил и импульсивно обнял отца вместе с курткой. – Не ожидал от тебя.

– То ли еще будет, Зигзаг, – похлопывал его по спине папаша. – Нас ждут великие дела и куча эпических подвигов. Уж можешь мне поверить.

– Верю, Чэ-Пэ, верю, – прослезился Зигзаг.

– Главное, когда ищешь мутантов, это что?

– Что, Чэ-Пэ?

– Не выйти на родственников со стороны жены. Ха-ха-ха.

Папаша зарокотал утробным хохотом, Лобан угодливо подхихикивал ему.

– И это, того, держи наш разговор в тайне. А то он может закончиться самым неожиданным образом. – Папаша внезапно прервав хохот, провел себе ногтем большого пальца по горлу, будто перерезая его. – Усек?

– Так точно, э-Пэ. – Зигзаг покачнулся, но устоял на ногах.

– Про Рэмбу кино видел?

– Видел, – сосед кивнул, – зачетный фильм.

– Так вот: я круче Рэмбо!

– Да ну?

– Ну да! И не советую проверять! – Погрозил Лобану пальцем.

– Понял, Чэ-Пэ, – окончательно сник сосед, – не буду проверять.

Он, походкой обожравшегося волка из мультфильма «Жил-был пес», поплелся через дорожку домой, а ЧП вслед ему затянул песню:

– Крылатые качели, летят, летят и залетят... Шаланды полные шалавой в Одессу Костя приводил. И сутенеры все вставали, когда в пивную он входил...

– Час потехи! Я жажду повергнуть бандитов и разбойников в прах! Надо пройтись и найти преступление: большое, маленькое, среднее. Любое! Но лучше всего – зловещее преступление на крыше! Или какое-нибудь завалящее зверское убийство в доме вивария. Или презренные бражники, обогащающие местных бутлегеров. Или злобные происки горбуна их Нотрдам-де-Пари.

Он прямо трясся, как припадочный, от своего правоохранительного зуда, просто раздравшего папашу изнутри. Видно было, что родителю реально плохо. (Может быть, он стал адреналиновым наркоманом? Не знаю, тогда мне трудно было оценить, а сейчас... Сейчас память может и обманывать в деталях. А детали очень важны.)

– Пошли-ка, Гусена (это он меня так прозвал), пошныряем по деревне, – напялив резиновый плащ и шляпу, позвал папаша. – Нанесем удар какому-нибудь преступному синдикату или даже спруту. Выявим внутренних диссидентов и прочих подрывных элементов. Будем как хищная рыба проглатывать мелкую преступную мошку, проплывающую мимо нас. Я поведу тебя к фузеям.

– Чего? К кому?

– Ничего. За обстановкой бдительно следи, Гусена. Если вышли на операцию, то заодно посмотрим, что на току творится.

Серп Луны вспорол брюхо туче, отразившись холодным блеском в отцовских безумных глазах.

– Там этот лишенец-погорелец Красотьевич нынче сторожит, – по пути важно разъяснял он. – Товарищ ненадежный, вполне может что-нибудь украсть себе, для дома, для семьи. А тут мы такие: потихоньку, тихой сапой, подбираемся с лопатой.

– У него же нет дома, – удивился я. – И семьи...

– Да? Нет дома? – Черный плащ почесал голову и с надеждой посмотрел на фонарь, качающийся по ветру.

– Его дом сгорел в прошлом году. Забыл?

– Дома нет, а украсть вполне может. Он со свиньей Королевой Марго сожительствоет в одной хижине. Ладно, сейчас, как говорится, осуществим руководящую роль партии в битве за урожай и проконтролируем. Тихо! – перешел на шепот. – Смотри! Мы попали к шапочному разбору. Воруют! Воры всегда проворнее сторожей. Скабрезные старики, опереточные комики, Ильф и Петров в одноэтажной Америке. Но коварным злодеям не уйти от карающей десницы благородного героя! Будем брать! Пошли, скрутим мерзавцев.

И мы пошли.

– Я перепутанный линцедрат, летящий на крыльях ночи! Я дизентерия, маскирующаяся под понос! Я кость, застрявшая у вас в горле! Я святой Гундосий из Феодосии! Я Хо Ши Мин, подкарауливающий вас на тропе Хо Ши Мина! Я волдырь, вскочивший на этом пупе земли! Я – Черный плащ!!! Я погашу твой фальшивый вексель, троцкист! Стоять, расхитители социалистической собственности! Воруешь, муфлон безрогий?! – папаша, развеиваясь плащом, как на сцену, выскочил из темноты в круг прожектора. – Подумали, что это именины у архиерея или вовсе Бармалея? Это похищение!!! Всем стоять, разрази вас бубонная чума!!!

– Владимирыч, я тут не при чем! – Истошно заголосил незадачливый покупатель – Модя из соседней деревеньки – Устья. – Я просто мимо шел, а Красотьевич тут с мешком стоит.

– Не надо гнилой риторики! Вы вступили в тайные сношения за моей спиной! Думали, тут забытое богом место?! Бог забыть может, а я, Черный плащ, никогда! Я бывший светский лев, решивший ослепить вас шириной размаха! Я – Черный плащ! Трепещи, мздоимец! Ты у меня мзду живо брать перестанешь, тебе будет постоянно за державу больно и обидно! Зорко охраняй социалистический урожай! Забыл? При Сталине бы тебе живо напомнили!

Погорелец Колька Красотьевич тихо ответил:

– Не понимаю такого, что сторожу нельзя воспользоваться тем, что сторожит.

– Сторож из тебя, как из собачьего хвоста решето, в котором воду не наносить, как в сите.

– Даже в Библии было сказано: не страж я...

– Я тебе покажу Библию, прохиндей! – возмутился папаша. – Я из тебя эту поповскую дурь выбью, прощелыга! Ты может и вовсе, монархист? – вдруг вкрадчиво спросил он.

– Владимирыч, да ты что? – вылупилися глазами Красотьевич. – Я ж почти что сочувствующим делу партии был. Хошь, переkreщусь?

– Поповская бесовщина налицо, – он сплюнул сторожу на сапог. – Где поповец, там и махновец. А с махновцами у нас разговор короткий: бац, бац, и к стенке. Не зря в народе говорят, что у таких как ты, руки – крюки, а пальцы – грабли! Ох, не зря! Ты, может знатья, и вовсе диссидент? Контра недобитая! Ты у меня все тома сочинений великого Ленина законспектируешь, как говорится, проклятый расхититель социалистической собственности!

– Да где твой социализм? – нагло возразил сторож. – Нету его! И не будет!

– Повыступай мне тут еще, подлый агрегат! – ЧП взревел как разъярившийся бык-производитель. – Последствия будут ужасны, проходимец! – могучий кулак обрушился на челюсть сторожа. – Продажная девка империализма ты, а не совхозный сторож. Уволен!

Красотьевич упал, а папаша стал прыгать вокруг с криками:

– Я капля, долбящая ваш мозг как камень! – Голос его торжественно гремел, наводя на мысли о трубах Иерихона. – Я чесотка, поселившаяся у вас на коже! Я вода в колене, камень в почке! Я кила, поразившая ваших поросят и вашу капусту! Я маринованный огурец, вставший колом в вашем горле! Победитель темных сил – Черный плащ! А ты чего стоишь? Рад себя видеть без петли на шее? – навел пляшущие от восторга зрачки на Модю и буром попер на незадачливого покупателя. – Спрячьте зерно за высоким забором, выкраду вместе с забором? Что, у сторожа дешевле, чем у директора?

– А что я? – попятился от него Модя, запнулся за мешок и упал.

– Опять забыл. – Папаша напялил маску-противогаз. – Вставай, лишенец, а то выбью дурь сапогами! – трубно возвестил отец.

Модя подскочил, как ошпаренный.

– Неси зерно!

– Куда? – испуганно присел Модя на мешок.

– Известно куда, сюда неси, будем протокол составлять о хищении совхозного имущества.

– Не погуби, кормилец! – незадачливый покупатель бухнулся папаше в ноги. – Не надо протокол!

– Ладно, по первому разу, как говорится, это преступление прощаю. Зерно отнесешь ко мне на двор. И ежели еще раз поймаю... Тогда я тебе загну гонобобель!

– Понял, понял, – будто душил воротник, закивал головой Модя, подхватывая мешок. – Больше ни-ни, Владимирыч.

– Называй меня Черный плащ! – пнул его сапогом по голени. – Черный плащ! Ты понял, подлый опарыш?

– Я все понял Черный плащ, все понял, – залепетал Модя.

– Покорнейше благодарю. И заруби себе на шнобеле: в следующий раз никакой жалкий лепет оправдания, как говаривал второе наше поэтическое все, разумеется, после известного каждому двоичнику АЭС Пушкина, Михаил Юрьевич Лермонтов, тебе уже не поможет. Веселее, жизнь прекрасна, я зла не помню. Соловья пейсами не кормят. Бери ноги в руки и бегом.

Несчастный Модя побежал так, как будто за ним гнался черт.

– Я прокисший квасок после баньки по черному! – проорал ему вслед Черный плащ. – Вот ведь улепетывает, стрекулист тонконогий.

– А ты, Коля, хорошо подумай, – плюнул на поверженного бывшего сторожа борец с преступностью. – Сам жри это зерно хоть до усера, а торговать совхозным добром не моги, иначе ты станешь мироедом, падлой, Горбатым, а также пособником мирового империализма и израильской военщины! В следующий раз, по законам военного времени, зашибу. Понял?

– Да, – вытирая плевков, прохрипел сторож.

– Ну и чудненько. Знай свое социальное положение в социальной пищевой цепочке, кормовой лишенец. Кто ворует зерно, то смеется последним. Завтра заявление напишешь. Пошли домой, – кивнул мне. – Кто в ночи на бой спешит, побеждая зло? – начал приплясывать, как при пляске святого Витта. – Победитель темных сил – Либерман! Видишь? Воистину еще одного преступника победил Черный плащ! Теперь в Багдаде все спокойно, – отплясавшись, сообщил мне. – Измельчал злодей, совсем не тот пошел, что в прежние времена. Но все-таки, здорово я умею нагнетать напряжение?

– Угу, – кивнул я, – умеешь.

– Старого выползня не проведешь на мякине. А-ха-ха-ха! – на всю округу захохотал папаша. – А-ха-ха-ха! Запомни, Гусена: главное – больше юмора и меньше геморроя, а-ха-ха.

16. «Только свистни, он появится»

– А что, если нам с тобой свинью украсть? – озвучил брат родившуюся где-то в мутных осклизлых глубинах богатого на пакости внутреннего мира мысль, разливая самодельный лимонад в вымытые бутылки.

Обещал прийти сын Лобана Вовка Лобаненок и брат готовил товар.

– Зачем нам свинья?

– Что ты как маленький? Свинья – это сало.

– Она же не кошерная.

– Ничего страшного, мы же свинину едим и ничего.

– Но ее же батя как-то «кашерит».

– И мы научимся. – Самоуверенно успокоил меня братец. – Главное, свинью добыть, а там научимся. Чай, не глупее бати. Любовину есть от пуза будем!

– Любовина любовиной, но чтобы сало сделать, надо свинью зарезать. Так?

– Надо, а что? – брат блеснул очками, ожидая подвоха.

– А то, что батя свиней сам не режет, Лобана зовет или Зайца. Так?

– Ну так... и что?

– Они придут резать, а свинья не наша.

– Как они поймут, что свинья не наша? – подумав, спросил брат. – На свинье же не написано.

– Ну... – тут уже я задумался. – Догадаются.

– У тебя нет нового метода и нового мышления, поэтому ты и ноешь постоянно. Все свиньи похожи, значит, если мы украдем свинью, то ее не отличат.

– Забыл, что мать говорила? Свинья это не забор. За свинью могут и прибить.

– Это если поймают.

– Думаешь, не поймают?

– Кто нас может поймать? Преступников же только наш батя ловит. Он если и поймает, то не убьет, а даже похвалит.

– Это да, – отец хвалил Виталика за кражу курей, а сам умудрился однажды украсть козу в райцентре. А еще хвалился, что в детстве воровал баранов и гусей. – Но как ты собираешься тащить свинью? Свинью мы не донесем, она тяжелая.

– Это да... А если поросенка? – почесав затылок и полистав записную книжку, предложил брат. – Он меньше, нести легче.

– Поросенок визжать будет.

– Рот завяжем.

– У тебя на все готов ответ, как я вижу.

Когда братца захватывали алчные фантазии, переубеждать его было делом практически безнадежным.

– Потому, что у меня новый метод, – он напыжился, как страдающий запором совенок, – а ты все по старинке, только заборы красть умеешь.

– Заборы на дрова нужны.

– Умные люди дрова воруют.

– Не вопрос: иди и укради дров, а я погляжу.

– Почему сразу я? – стушевался брат.

– Ты же языком ляпаешь. Возьми и докажи.

– Ладно, заборы воровать удобнее. Это дрова любой дурак может украсть, а заборы не всякий додумается, только ты, – польстил брат.

– То-то же.

– Но все равно, давай свинью сопррем, точнее поросенка.

– У кого мы его сопррем?

– Можно у Лобана – ближе всего.

– И ты думаешь, что он, когда будет резать, не узнает свою свинью?

– Мы ее покрасим, не узнает.

– Нет, это чушь. Если ее покрасить, то сало есть нельзя будет.

– Да? Я как-то не подумал...

– Ты вообще редко думаешь.

– Давай у Шурика. У них всегда сало вкусное, – брат сглотнул слюну.

– Совсем ошалел? Шурик же твой друг.

– А что если... – дико посмотрел на меня, – у токаря?

– У токаря?... – я замер, пораженный смелостью мысли брата.

Сын Толика-токаря, Стасик, прозванный Эмиль из Лённеберги, был матерым воругой, широко известным даже за пределами нашего района. Был такой фильм когда-то «Эмиль из Лённеберги» по произведениям шведской писательницы Астрид Линдгрэн, которая про Карлсона писала.

– У самого Стасика?

– Он ворует у всех, а мы у него.

– Хорошая идея, – мне даже понравилась мысль обокрасть первейшего воругу. – Батя точно будет доволен.

В этом можно было не сомневаться: папаша болезненно реагировал на дурную славу Стасика и часто ворчал, что «будь помоложе, давно бы переплюнул белобрысого засранца». Хотя, сказать по правде, отец в кражах уже давно переплюнул не только Стасика, но и половину района, вместе взятую. Просто, об этом мало кто знал, ибо тщеславие в папаше было слабее врожденной осторожности.

– Ты знаешь, где у них свиньи?

– В сарае, как и у всех.

– А поросята есть?

– Я откуда знаю? Шурик же двоюродный брат Стасика, спроси у него.

– Понял, пойду, позвоню.

– Только ты не в лоб спрашивай, а между делом, иначе потом, когда поросенок пропадет, Шурик догадается.

– Не учи ученого, – беспечно отмахнулся братец, – у меня же новый метод. Шурик у меня еще польку-бабочку танцевать будет!

Вернулся он из дома минут через пятнадцать.

– Короче, я все узнал. Три поросенка есть.

– Шурик ничего не заподозрил?

– Что он может заподозрить? Я сказал, что батя засаду на свинокрадов готовит.

– Какую еще засаду?

– Что ему из района пришла секретная бумага, – с гордостью докладывал брат, – и сегодня ночью приедут свинокрады.

– Ты точно ку-ку, – вздохнул я, покрутив пальцем у виска.

– Почему я ку-ку? Я Шурику сказал, что это секрет и чтобы он никому не трепался.

– Ну-ну. смотри, кончится это тем, что нас вырежут, как гугенотов в Варфоломеевскую ночь!

– Не вырежут, – отмахнулся братец, – мы не гугентоты.

– Гугеноты.

– Без разницы! Мы – другие!

Я оказался прав. Через пару часов позвонила мать и велела следить за свиньями.

– Свинокрады сегодня нагрянут, – шептала она в трубку. – Если увидите кого-нибудь чужого, сразу звоните мне или батю.

– Доволен? – я посмотрел на Виталика.

– А что я? Что сразу я? – брат смущенно пожал плечами. – Это Шурик все!

– Если бы ты ему не наплел всякой ерунды, он бы панику не устроил по деревне.

– Может, к вечеру успокоятся?

Не успокоились. Когда мы привычно скользнули во мрак улиц, то тут, то там, за заборами и оградами темнели силуэты. Люди курили, лузгали семечки, негромко разговаривали или молча ждали. Отец забрался на водокачку, обозревая деревню с высоты в бинокль. Снизу стоял УАЗ с терпеливо ждущим Лобаном.

– Мы ни то, что поросенка, – тихо сказал я, – мы даже забор не сможем утащить – кто-нибудь да заметит. Пошли домой, сегодня спать ляжем, а завтра, когда все будут отсыпаться – пойдем на дело.

Так и вышло: следующей ночью все дрыхли без задних ног и мы «вышли на дело». Сначала сперли пролет забора у Лукьяновича, чтобы неповадно было.

– И зачем ему забор. Хи-хи-хи? – тихо хихикал Виталик. – Если он все равно свиней не держит.

Отволокли забор и снова вышли со двора. Зыбкие остроугольные тени то ли скрывали нас от любопытных глаз, то ли прятали грозящую нам с братом опасность. Тут все могло быть, Смерть тут гуляла по улицам без блинов на блюде, так, по простому, по свойски и в любой момент могла тронуть за плечо. Теперь пошли по проселку вправо, к перекрестку. На перекрестке свернули влево, обошли по посадке крайнюю улицу и по полю, на котором когда-то нашли бомбу, добрались ко двору токаря. Собака по кличке Румба лениво тявкнула в конуре – мы замерли. Никого. Все спят.

– Может того? – замялся братец.

– Чего «того»?

– Дом подожжем? Для отвлечения...

– Ты совсем с ума сошел? Какое тебе отвлечение? Даже не вздумай! Хватит тебе сгоревшей бабки!

Зашли в калитку, шмыгнули к белокирпичному сараю.

– Замок, – прошептал брат. – Что делать?

– Известно что, – я достал связку ключей и начал подбирать подходящий. Замок открылся на двенадцатом ключе. Сунул ключи и замок в карман и вытащил засунутый сзади за ремень мешок. – Подержи.

Достал пластмассовый пузырек с длинным носиком и смазал машинным маслом дверные петли. Румба вновь твякнула – мы замерли.

– Пошли, – прошептал Виталик. – Чего мы ждем?

– погоди, еще чуток, – потянул дверь.

Спасибо маслу, дверь открылась «без шума и пыли». Как два хорька нырнули в темное нутро сарая.

– Надо было фонарик взять, – тихо сказал я, спотыкаясь в темноте.

Справа в плечо ткнулась большая рогатая голова – корова. Значит, хлевы будут где-то слева. Начал ощупывать дощатую перегородку. Вот и дверь. Приоткрыл. Куры сонно заквахтали. Не то. Закрыл. Следующая дверь встретила бляением. Овцы. Закрыл. А вот и знакомый запах – явно свинарник. Зашли в хлев и начали искать по полу спящих поросят. Раздался пронзительный визг – Виталик наступил на поросенка. Нервы брата не выдержали и он кинулся наутек. Я рванул следом, споткнулся об другого поросенка и упал. Вскочил, пулей вылетел во двор. В доме уже зажегся свет в окнах, собака захлебывалась истошным лаем.

Сломав голову, проскочил в калитку. Далеко впереди топотал убегающий к посадке Виталик. Я повернул влево и кинулся бежать вдоль околицы, надеясь запутать преследователей и лихорадочно вспоминая, есть ли у токаря ружье. Лай подхватили другие собаки, деревня просыпалась. Хлопали двери, вспыхивали окна, скрипели калитки. Добежав до конца улицы, перебежал на соседнюю и по ней пошел к дому, пытаясь отдышаться.

Когда поравнялся с детским садом, навстречу вылетел УАЗ, ослепив внезапно вспыхнувшими фарами.

– Стоять!!! – раздался привычный вопль папаши, в залихватски сдвинутой маске выпрыгнувшего из машины, будто чертик из табакерки. – Я древоточец, точащий ваш гроб! Я факел в руке инквизитора, готовящего аутодафе! А, это ты, Гусена... Проголодался – не сотрешь. Чего ты тут спотыкаешься?

– Вот... – я неопределенно развел руками.

– А Гога где?

– Он это...

– А мы свинокрадов едва не накрыли. Они у Толика, у токаря, сарай взломали, козлы позорные! Ты тут никого не видел?

– Вроде в той стороне лошадь какая-то проехала, – обернулся я.

– Лошадь?

– Ну, телега с лошастью.

– Это они! Садись в машину. Будем драться с мутантами и побеждать, как завещал нам великий Александр Васильевич Суворов!

Я, обреченно вздохнув, забрался в салон.

– Мы взяли успешный правоохранительный старт и скоро успешно финишируем! Зигзаг, газу! Совсем из ума выжили, свинокрады! Вездесущие мутанты! Шутки кончились! Я их загоню обратно в стойло! Они у меня совсем мычать разучатся! Я их живо возьму за рога!

– Чэ-Пэ, у тебя уже есть версия? – спросил Зигзаг. – Это демократы?

Демократов в деревне никто не любил, хотя вживую их никто из деревенских никогда не видел.

– Нет. Версии потом! Мы их сейчас раздерем, как хуту тутси! – возбужденно кричал папаша, одетый в плащ, шляпу с пером и противогаз-маску, делавший его похожим на негра-жертву апартеида. На коленях его бултыхалось ружье. – Зигзаг, гони! Теперь они в наших руках, подонки! Продемонстрируем им нашу силу и решимость! Я врач, исцеляющий больного проказой!

Обмотавший шею белым шарфом Лобан в кожаной куртке, напяливший танковый шлемофон вместо летного шлема, так низко склонился над рулем, что почти лежал на нем. УАЗ болидом летел по улице.

– Чэ-Пэ, у тебя уже есть версия? – прокричал он.

– Криминалистика – точная наука, вроде прогрессивного куроводства... Так что пока придержу ее.

– Ясно. Чэ-Пэ, а зачем они воруют свиней? На сало?

– Нет, Зигзаг, – Черный плащ покачал головой. – На сало свиней воруют нормальные люди, а мутанты воруют свиней, чтобы сделать из них людей, как доктор Моро и в противоположность Цирцею.

– Ого! – Зигзаг вряд ли понял столь замысловатое объяснение, но явно сильно впечатлился. – Какой ты умный, Чэ-Пэ!

– Кто в ночи на бой спешит? – проревел польщенный папаша, заглушая рев мотора. – Побеждая зло? Дерзкий клюв, отважный вид, но не запаadlo! Эй, прочь с дороги, враг, трепещи злодей!

Путь до околицы показался мне невероятно коротким.

– Налево, – командовал родитель. – Явно к дороге будут пробираться, шпана замоскворецкая.

В свете фар, будто пойманный заяц, на асфальте мелькнула телега.

– Вот они! Команда потрошителей!!! Это же чокнутый электрик Мегавольт¹ и ботаник-недоучка Бушрут², он же тыквенный человечек!!! – От истошного крика папаши у меня заложило уши. – Ату их! Я им склею ласты!!!

Машина прыгнула вперед, словно укушенная оводом лошадь.

– Левее!!! – родитель распахнул дверцу и шандарахнул из ружья в изумленное ночное небо. – Зигзаг, сигнал!

Лобан надавил на клаксон, разорвав истошным гудком притаившуюся ночь.

– Стойте, выродки! Побью к чертям американским!

Если в деревне еще кто-то до сих пор спал после выстрела и сигнала, то теперь точно проснулся. УАЗ едва не налетел на телегу, папаша высыпался на улицу и, размахивая ружьем, орал:

– Лежать! Всем лежать! Руки, руки вверх! Ноги на ширину плеч!

Лобан врезал одному каблуком под коленку, папаша ловко подсек ноги второго.

– Помните меня, пожиратели навоза?

– Негр! – ахнули жулики.

– Сами вы негры, уроды! А я для вас масса Плащ! Трепещите, правовые изгои! Правосудие не спит! Я утка правосудия! Я супер-утка – супер-полицейский! Я апостол Правопорядка! Я тромб в криминальной артерии! Я снаряд, забитый в пушку туго! Я разрушитель криминальной империи! Я Черный Плащ, я мощный царь царей! Взгляните на меня, убогие мутанты!

---

¹ Мегавольт (англ. Megavolt) – Крыс-преступник из мультсериала «Чёрный Плащ». Настоящее имя – Элмо Искромёт, считает себя спасителем лампочек. [http://cyclowiki.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B3%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%82 \(%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6\)](http://cyclowiki.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B3%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%82 (%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6))

² Доктор Реджинальд Бушрут (англ. Dr. Reginald Bushroot) – бывший учёный научной лаборатории №356. Владеет телепатической связью с растениями. <https://darkwingduck.fandom.com/ru/wiki/%D0%91%D1%83%D1%88%D1%80%D1%83%D1%82>

За спиной папаша Лобан держал наготове осиновый кол: папаша был уверен в повышенной живучести мутантов и собирался с ними бороться как с вампирами. И, кроме того, на случай встречи с енотами – трупоедами, кротами – вампирами и двуххвостыми кошками – вурдалаками в анонсированной папашей с ними борьбе. На поясе Зигзага болталась кувалда с короткой ручкой, для добивания кольев, отчасти делавшая Лобана похожим на скандинавского бога Тора.

– Не помнящие родства Джоны Ланкастеры с щелкающими инфракрасными объективами носами! Я засвечу все ваши объективы!

– Владимирыч, ты чего? – возле телеги скорчились местные забулдыги Петруха Заяц (это фамилия такая была) по кличке Дрыга и Ким Петрович Пынкин по кличке Пыня.

– Лежать, скоты позорные, муфлоны симферопольские, подлые правонарушители! Ты мерзок, как рептилия! – Папаша врезал Пыне сапогом в бок. – Трепещите, Франкенштейны! Гомункулусы – неудачники! Вы заплатите за страдания трудового народа и сельской интеллигенции! Трепещите, жалкие моллюски! Мое терпение тает, как сливочное масло на горячем песке пустыни Сахары! Мутанты, мутанты повсюду и некуда ногу поставить. – Наступил на Пыню. – Я попираю нечестивого мутанта, Зигзаг! Жаль, у тебя нет фотокамеры.

– Нет, – Вздохнул Зигзаг.

– Трепещите, отщепенцы! Я акула – мутантоед в вашей мутной заводи! Я маршал антимутантского воинства! Называй меня Черный плащ, проклятый мутант! Ты понял, прихвостень империалистов?!

– Я понял, Черный плащ! Хоть Брежневым тебя назову, только не убивай!

– Брежневым не надо, – папаша приосанился, – а вот Черный плащ – в самый раз. Я рыцарь плаща и кинжала! Я Уголовный кодекс, летящий на бреющем полете! Я просер в вашем сортире! Я гвоздь под вашей крышечкой! Трепещите, политические проститутки, я разнесу ваш бордель! Мне некогда дебаты с вами разводить, вонючие мутанты! Мерзопакостные гибриды! Ваш мутантский шовинизм мне не интересен! Ваша риторика мне и так известна, спрошу то, чего не знаю: где поросята?

– Ка-ка-ка-кие по-по-по-ро-ро-ся-та? – Пыня от страха стал заикаться.

– Я спрашиваю грубо, но хочу, чтобы вы отвечали вежливо, как подобает. Толика – токаря поросята.

– Черный плащ, – подал голос Заяц, – мы не при делах. Мы никаких поросят не брали.

– Молчи, шелудивый свинокрад! От тебя не ожидал.

– Да не брали мы поросят, – слегка пришел в себя Пыня.

– Что вы тогда тут делаете?

– Мы это... – замялся Пыня.

– Не юли!

– Короче, мы сено Капитану продали...

– Воруете, падлы, – ласково сказал папаша и зарядил каждому сапогом под ребра. – Сделаем свиную тушенку из свинокрадов! Ура!!!

– Мы это... Черный плащ... мы поделимся... А поросят мы это... того... не брали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.